

Едва миновал сезон «колошения хлебов», как уезд начал готовиться к одному из самых важных праздников в году — Дуанью.

Недавняя смута в уезде Шаоюань улеглась. Люди прибирали свои дома и постепенно возвращались к привычным заботам: как бы ни свирепствовали бури, а жизнь продолжалась.

К празднику на единственной в уезде реке устроили гонки на драконьих лодках. Берега заплотнили торговцы из окрестных земель, наперебой предлагая нехитрый товар собственного изготовления.

Охрану улиц и патрулирование Цзян Умянь поручил Чжоу Цюаню, а обустройство торговых рядов возложил на плечи советника Цзян Цю. Регистратору Ян Линю оставалось лишь со злобой изо дня в день переписывать списки уездных жителей, не имея возможности даже на шаг приблизиться к праздничным хлопотам.

Сам же уездный судья, лишь ненадолго показавшись перед народом, поспешил удалиться, дабы не мешать простым людям радоваться долгожданному покою.

Вернувшись в ямынь, Цзян Умянь застал там Сюэ Вэнь, которому в этот день точно следовало быть в другом месте. Судья недоуменно взглянул на гостя, а затем скользнул взглядом к окну.

— Ты почему не на празднике?

С улицы долетал грохот барабанов, гонгов и праздничный гул голосов — веселье шло вовсю.

В бытность свою в столице Цзян Умянь никогда не жаловал шумные толпы и в праздники предпочитал оставаться дома, в тесном семейном кругу. Зато Сюэ Вэнь и Бай Чухань усидеть на месте не могли. В любой праздничный день они пропадали с утра до ночи, а возвращались непременно с ворохом всякой пестрой мишуры и забавных безделушек.

Разумеется, уездному Шаоюаню было далеко до столичного блеска, но для местных жителей, переживших столько невзгод, это гулянье стало самым ярким событием за последние полгода. Неужели Сюэ Вэнь внезапно переменил свой нрав и решил упустить такое зрелище?

Воздух в ямыне насквозь пропитался резким, горьковатым ароматом полыни, от которого слегка кружилась голова.

Услышав вопрос судьи, Сюэ Вэнь вскинул голову и уставился на него широко раскрытыми глазами.

— Да какое там веселье, когда нас ждет медное месторождение! — выпалил он и тут же понизил голос, испугавшись собственной неосторожности.

Цзян Умянь ответил ему бесстрастным взглядом. Неужели генерал ухитрился позабыть его записку, где черным по белому было написано: «Обсудим после праздников»? Или он ее попросту проглотил?

Спесь с Сюэ Вэня мигом слетела, и он виновато отвел глаза.

— Но ведь речь идет о руднике! О деньгах! — проворчал он. — Чтобы прокормить полторы тысячи ртов, средства нужны каждый божий день. Лошади и люди сами себя не насытят.

На всё — от проса и соли до сена и подков — уходила уйма серебра.

В Шаюане к тому же прибавились траты на снадобья. Здешний климат куда жарче северного, и едва припекало солнце, как изо всех щелей лезли полчища мошек, гнуса и ядовитых гадов. Чтобы уберечь солдат, Сюэ Вэню пришлось закупить горы целебных трав, благовонных мешочков, полыни и серного порошка. От одного взгляда на расходные книги у него теперь несварение начиналось.

— Казначейство и так каждую монету со скрипом выдает, — пробурчал генерал под нос, — а пока эти крохи пройдут через все чиновничьи руки, дай бог, если на донышке хоть что-то звякнет.

Забота о пропитании войска — дело, бесспорно, благородное, однако это едва ли оправдывало появление Сюэ Вэня в управе посреди праздничного дня.

Цзян Умянь окинул взглядом пустой кабинет и сухо поинтересовался:

— И у тебя, надо полагать, уже и рудокопы готовые есть?

Почувствовав, что судья сменил гнев на милость, Сюэ Вэнь так и подпрыгнул на стуле.

— А как же! — самодовольно ухмыльнулся он. — Во время северного похода нам с Бай Чуханем и самим доводилось в шахты спускаться. Да и среди моих ратников есть несколько бывалых людей, которые в рудном деле толк знают. Ничего не позабыли, я их уже созвал.

Стоит отдать должное — в практических вопросах на генерала всегда можно было положиться.

Поняв, что тот подготовился основательно, Цзян Умянь не стал спорить.

— Разведка может затянуться. Снаряди людей, запасись провиантом. Выезжаем завтра на рассвете.

На следующее утро Цзян Умянь, прихватив подробную карту уезда, встретился за городскими воротами с отрядом Сюэ Вэня. Вместе они направились на поиски заброшенного рудника.

Уезд Шаоюань, раскинувшийся в устье реки у самого побережья, жил в основном за счет морских богатств. Однако на севере его земли упирались в невысокие холмы и гряды выветренных гор — именно там скрывались старые выработки.

Утверждения советника Чжао Чэна о залежах медной руды в этих краях возникли не на пустом месте. Порой сокровища недр лежат глубоко, ничем себя не выдавая, но случается, что сама природа открыто указывает на присутствие металла.

Таким природным указателем служило невзрачное растение с соцветиями, напоминающими щеточки, которое в народе исстари прозвали «Медным цветком» — тунцаохуа. Этот цветок селится исключительно там, где земля богата медью, жадно впитывая металл своими корнями. Отыскать его заросли — всё равно что точно определить границы залежей.

Когда Цзян Умянь добрался до места, указанного Чжао Чэном, перед ним предстал склон, густо поросший цветущими медными цветами. Сверившись с картой, судья обернулся и махнул рукой Сюэ Вэню:

— Мы на месте.

Генерал огляделся. Глушь здесь стояла беспросветная: ближайшая деревня верстах в десяти, дороги заброшены, случайных путников и подавно не встретишь.

— С чего начнем поиск жилы? — спросил Сюэ Вэнь. Подозвав одного из пожилых воинов, он вместе с ним подошел ближе к Цзян Умяню.

В тонкостях горного дела Сюэ Вэнь не смыслил ничего. Он мог махать киркой наравне со всеми или вести учет припасов, но в поиске рудных жил его познания заканчивались. На полуслове заскучав от заумных объяснений старого воина, он поспешил заняться тем, что умел лучше всего — отправился командовать разбивкой лагеря.

— Копайте прямо под этими цветами, — распорядился Цзян Умянь, посоветовавшись со старым рудознатцем. — Нужно уйти вглубь на пару чжанов. Если ничего не найдем, сместимся в сторону.

Получив указания, солдаты разбрелись по склону. Каждый выбрал себе по участку, и вскоре

над холмом застучали заступы — работа закипела.

Все понимали: если здесь действительно отыщется медь, уезд не просто выберется из нищеты — каждому из них перепадет знатная доля. А поскольку никому не хотелось откладывать богатство в долгий ящик, трудились не жалея сил.

Медные цветы оправдали свою славу. Ближе к вечеру в палатку ворвался запыхавшийся дозорный. Лицо его так и сияло от восторга.

— Генерал! Господин судья! Есть! Нашли руду!

Цзян Умянь и Сюэ Вэнь, только что обсуждавшие будущие планы по управлению рудником, переглянулись и без лишних слов поспешили наружу.

Почти весь отряд, за исключением поваров да часовых на постах, уже собрался на перекопанном склоне. Завидев командиров, люди почтительно расступились, а когда те прошли вперед, плотным кольцом обступили раскоп.

На месте давешней фиолетовой поляны теперь чернел глубокий ров.

— И в какой яме показалась жила? — зычным голосом спросил Сюэ Вэнь.

Копавший солдат едва ли не подпрыгивал от нетерпения:

— Да везде, генерал! Под ногами живого места нет — сплошной металл!

В какую бы сторону они ни углублялись, лопаты упирались в плотную медную породу.

Старый рудознатец, бережно сжимая в руке кусок темного камня, с воодушевлением заговорил:

— Генерал, господин судья! Верное слово, вся эта гора стоит на меди. Взгляните сами: у подножия, на самой границе, руда идет тонким слоем. Но стоит подняться чуть выше к вершине, как порода становится плотнее и чище. Да это же не просто гнездо, перед нами богатейшая жила!

Целая рудная жила!

Цзян Умянь мысленно прикинул возможные объемы добычи, если холм действительно скрывает под собой сплошные залежи.

Он невольно погрузился в воспоминания о своей прошлой жизни. В землях Линнаня всегда хватало рудников — как цветных металлов, так и прочих ископаемых, — однако в уезде Шаоюань, насколько он помнил, никаких медных месторождений никогда не значилось.

«Мир Великой Чжоу устроен иначе, — мысленно напомнил он себе, подмечая очередное несовпадение со своими прежними знаниями. — Нельзя слепо полагаться на старый опыт. Мое дело — пробовать, искать новые пути и обустраивать этот край».

Сюэ Вэнь слушал рудознатца как во сне. Ему до безумия хотелось ухватить Цзян Умяня за плечи и спросить: «И это ты называл заброшенным рудником?»

Да тут металла скрыто больше, чем на всех северных приисках, которые ему довелось повидать! Какая же это «бедная выработка»?

Однако, взглянув на лицо друга, генерал осекся. На бледном лице Цзян Умяня не отразилось ни радости, ни привычной холодности. Напротив, в его глазах промелькнула... глубокая, затаенная грусть.

Впрочем, видение растаяло так быстро, что Сюэ Вэнь списал всё на игру света и тени.

— Ни одна живая душа не должна узнать об этом. Для всех праздных кумушек это место останется пустой породой, — негромко, но твердо произнес судья, нахмурившись. — Нам до сих пор неизвестно, кого пришлют с грузом продовольствия и серебра для пострадавших от наводнения. Если это человек из столицы, они непременно захотят прибрать рудник к рукам.

Последнее слово он упустил, но всякому было ясно, о ком идет речь.

Ныне при дворе безраздельно властвовал клан Хань. Сторонники клана Се потерпели сокрушительное поражение, а немногие уцелевшие честные чиновники предпочитали держаться в стороне, спасая собственные шкуры. Тех же, кто не пожелал преклонить колени перед новыми фаворитами, либо лишили чинов и сослали в глушь, либо давно прибрала сырая земля.

И если присланный ревизор окажется ставленником Хань, то даже высокое звание императорского комиссара не спасет Сюэ Вэня от бесконечных козней и споров за право распоряжаться казной.

Холодный рассудок судьи миготом отрезвил генерала. Он сообразил, что к чему, и тут же зычно скомандовал подчиненным:

— К вершине холма не приближаться! Рыть только у подножия, для видимости. Пробеите пару неглубоких шурфов по краям, пусть думают, будто мы тут зря грязь месим!

Повернувшись к ратникам, Сюэ Вэнь сурово оглядел их лица:

— Все вы — мои боевые побратимы, мы вместе проливали кровь на севере, и я верю каждому из вас как самому себе. Но предупреждаю сразу: если хоть один слух выйдет за пределы этого лагеря, пощады не ждите. Кара за измену будет скорой и беспощадной. Накажу по законам военного времени!

— Слушаем боевой приказ, генерал! — в один голос отозвались воины.

Цзян Умянь поднялся повыше, обходя свежие раскопы. Он поднял с земли несколько тяжелых осколков породы, очистил их от глины и внимательно осмотрел.

— Месторождение обширное, но обольщаться не стоит, — негромко заметил он. — Жилы длинные, да только порода здесь бедная. Металла в ней мало.

Разница между бедной и богатой рудой колоссальна: на одну и ту же плавку уйдет вдвое больше угля и сил, а выход окажется ничтожным. На хороших плавильнях из богатой руды можно извлечь до восьмидесяти, а то и девяноста процентов чистого металла. Бедная же, даже при самом искусном уходе, едва ли давала половину от этого объема. Порой разработка таких пластов и вовсе не окупала затрат на дрова и жалование рабочим.

К его удивлению, старый рудознатец, услышав эти слова, истово затряс головой и выкинул вперед три узловатых пальца:

— Что вы, господин судья! В наших краях даже на самых лучших коях выход меди едва достигает тридцати долей из ста! А здешняя руда, коли ваши слова верны, станет богатейшим сокровищем во всей Великой Чжоу!

В прежнем мире Цзян Умянь даже самые невзрачные выработки давали около сорока-пятидесяти процентов полезного вещества. Но Великая Чжоу безнадежно отставала в искусстве металлургии, и тридцать процентов здесь считались пределом мечтаний.

«Надо же, тридцать процентов — и уже драгоценная находка», — подумал он.

Прежде ему не приходилось вникать в тонкости здешней плавки, и теперь оставалось лишь гадать: то ли сама природа обделила эти земли чистыми металлами, то ли мастера Великой Чжоу попросту не умели как следует очищать руду.

— И это еще не всё, — старик подался вперед и заговорил совсем тихо, едва шевеля губами. — Рядом с медной жилой почти наверняка таится железная.

Произнеся это заветное слово, старый солдат тут же умолк и с деланным усердием принялся перебирать камни, словно ничего и не произошло. Со стороны могло показаться, будто старик

просто восхищается обилием медной породы, и никто из досужих наблюдателей не догадывался, какой поистине царский подарок скрывают эти невзрачные склоны.

Сюэ Вэнь, который только-только присел на корточки рядом, от неожиданности потерял равновесие и шмякнулся прямо в дорожную пыль.

Медь — и бок о бок с железом?!

Неужели уездная управа Шаоюаня отныне сможет сама ковать оружие и орудия труда?

По законам Великой Чжоу торговля солью и железом находилась под строжайшей государственной монополией. Купить их простому люду было нелегко, но доходы, которые они приносили казне, были поистине колоссальными. Даже если дела в уезде пойдут прахом, эти два рудника позволят безбедно содержать и кормить его полуторатысячное войско многие годы.

— Дядюшка Лао Лю, побойся богов, не шути так со мной! — Сюэ Вэнь мертвой хваткой вцепился в рукав старика. Его голос дрожал от волнения. — Неужто и впрямь железная руда?..

Вместо ответа старый Лю зачерпнул горсть земли и сунул ее под нос командиру:

— Гляди сам, генерал. Видишь, земля бурая, с краснотой? То-то и оно.

Сюэ Вэнь уставился на ладонь старика. Глина действительно отливала багрянцем, но какая связь между цветом грязи и государевым железом? Он растерянно пересыпал землю из ладони в ладонь, мысленно умоляя: «Дядюшка Лю, ну не томи, объясни толком!»

Цзян Умянь перевел дух, справляясь с волнением.

— Это так называемая «железная шляпа», — пояснил он скорее самому себе, нежели недоумевающему Сюэ Вэню. — Веками дожди и ветер разрушали верхние пласты, вымывая породу. То, что осталось, превратилось в рыхлый бурый железняк. Эта темная, ржавая глина и есть верный признак залежей под землей.

Такие выветренные пласты рудознатцы зовут охристым красным железняком. Из этой бурой земли можно выплавить превосходное железо.

Теперь, когда у них появились собственные медь и железо, все планы по переустройству Шаоюаня можно было воплотить в жизнь гораздо быстрее!

Первым делом следовало заменить хрупкие деревянные лемехи на новых плугах для заливных полей прочным кованым железом. С хорошим инструментом крестьяне справятся с пахотой вдвое быстрее, и у них наконец освободятся рабочие руки для других уездных нужд.

Цзян Умянь мысленно перекроил список первоочередных задач, передвинув разработку недр на самые верхние строчки.

— Как вернемся, сразу разузнай, чьих покровителей будет ревизор с обозом, — вполголоса проговорил Цзян Умянь, склонившись к плечу Сюэ Вэня. — Ежели это прихвостень Хань, пусть сдаст припасы по описи и убирается восвояси. Будет из честных «чистых чиновников» — пусть держится в сторонке и не сует нос в наши дела. А коли пришлют кого-то из бывших сторонников Се, гони в шею, чтобы не впутывали нас в свои интриги.

Впрочем, судья не питал иллюзий. Почти наверняка к ним ехал ставленник Хань.

Распределение казенного хлеба и серебра для пострадавших от бедствий — слишком лакомый кусок, чтобы столичные временщики упустили его. Стоит лишь приложить руку к распределению запасов, и сотни тысяч лянов чистого серебра осядут в их бездонных карманах. К тому же, если дело дойдет до плахи за растрату, всю вину можно будет свалить на глуповатого военного — императорского комиссара Сюэ Вэня. Идеальная ловушка, бьющая без промаха.

Сюэ Вэню и самому не требовалось ничего объяснять. Он прекрасно знал эти повадки — не по природной проницательности, а из горького опыта службы. Именно так из года в год таяло жалованье его солдат на пути из столицы к границе. Стоило серебру покинуть хранилища, как каждый столичный и провинциальный чинуша спешил отщипнуть от него долю. До простых ратников в итоге доходили сущие крохи, на которые и ячменя-то толком не купишь.

Генерал насупился и угрюмо произнес:

— Развеской и раздачей казенного зерна ведает императорский уполномоченный. Обоз уже на пути в префектуру Нанькан, так что ревизору от меня никуда не деться. Ему придется явиться ко мне на поклон. Пару дней назад префект Ли Мин прислал вежливое письмо, напрашиваясь в гости в Шаоюань. Я его сразу развернул. Какой прок от звания комиссара, пока казна пуста? Пускай ждет, когда прибудут люди из Цзяннани с обозами. Думаю, к этому дню в Нанькане уже прослышали о моем приезде. Небось вовсю готовят пышный пир, чтобы замылить мне глаза.

Префект Ли Мин...

Цзян Умянь давно не доверял этому человеку. Рассказав генералу о недавних странных гостях в уезде, он предупредил:

— Его злоба направлена против меня лично и против всего нашего уезда. Тебе, как посланнику престола, открыто вредить не посмеют, но осторожность лишней не будет. Держи ухо востро.

Сюэ Вэнь помрачнел и согласно кивнул:

— Не беспокойся, я присмотрю за этим лисом.

<http://bllate.org/book/19045/1943782>